

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XV

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1966

Г. Ф. БЛАГОВА, Х. Д. ДАНИЯРОВ

ГОВОРЫ «ТЮРКОВ» УЗБЕКИСТАНА В ИХ ОТНОШЕНИЯХ
К ЯЗЫКУ СТАРОУЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Среди историков и этнографов, отчасти и лингвистов издавна ведется спор о status'e этнографической группы «тюрк» (тюрк, барлас, кал-татай, мусабазари), представители которой живут на разрозненных территориях в Самаркандской, Сурхан-Дарьинской, Сыр-Дарьинской, Кашка-Дарьинской, Андижанской, Ферганской областях Узбекистана и в Южном Таджикистане, а также о принадлежности этой группы к узбекскому народу. Точку зрения на тюрков как на исторических потомков тех племен, которые жили в Мавераннахре задолго до узбеков Шейбанихана, высказывали в свое время Гази Алим и Б. Х. Кармышева¹; по их мнению, тюрки говорят на весьма близких друг другу говорах среднеузбекского диалекта, а этнографическая группа «тюрк» принадлежит к единой узбекской народности².

В подтверждение того, что этнографическая группа «тюрк» восходит к историческим потомкам населения Мавераннахра дошейбанидского периода, можно привести свидетельства информантов (Бурхон бобо, 63 года, из кишлака Шурбел), рассказывающих легенду о прибытии джизакских тюрков в Самаркандскую область из Андижана 250—300 лет тому назад (со скидкой на народную хронологию, удерживавшуюся в памяти носителей говора, это событие можно приурочить к началу XVI в., т. е. ко времени завоевания Мавераннахра Шейбаниханом); характерно, что тюрки во всех обследованных нами районах осознают себя как пришельцев на местах их теперешнего обитания. Данные говоров тюрков ниже сопоставляются с материалами языка «Бабур-наме»³ как одного из произведений рube-

* В настоящей статье использованы отдельные положения нашего доклада, прочитанного на V региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков (Баку, октябрь 1965 г.).

¹ J a z i A l i m, *Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba*, Taşkent, 1936, стр. 19—21 и сл.; Б. Х. К а р м ы ш е в а, Об узбекских трудовых крестьянских песнях, сб. «Памяти М. С. Андреева», Сталинабад, 1960, стр. 76.

² Б. Х. К а р м ы ш е в а, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, 1, стр. 4.

³ Отсутствие сводного критического текста этого произведения побуждает исследователей пользоваться весьма разнородными списками «Бабур-наме» и их изданиями. В наших материалах мы основываемся на выборочных текстологических сопоставлениях следующих рукописей и изданий «Бабур-наме»: в первой выборке сопоставлялись «Бабер-наме или Записки Султана Бабера», изданные в подлинном тексте Н. И. Ильминским), Казаль, 1857 (далее — ВН), стр. 2—70; рукопись, выполненная рукой д-ра Я. Г. Керера и хранящаяся в Рукописном отделе Ин-та народов Азии АН СССР под шифром Д 685 (далее — К), стр. 2—248; список Сенковского, хранящийся там же под шифром Д 117 (далее — С), стр. 1—33; список XIX в., хранящийся в Гос. Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина под шифром Тур ис 104, стр. 1А-29А; «The Bābur-nāma», ed. by A. Beveridge, Leyden—London, 1905 (далее — ВН), стр. 2 I—57 I; во второй выборке сопоставлялись ВН стр. 231—450 и ВН стр. 208 II—348 I. Результаты проведенного сопоставления оговариваются здесь только в наиболее показательных для наших целей случаях; подробное изложение их см.: Г. Ф. Б л а г о в а, К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по Кереровскому списку. «Краткие сообщения Ин-та народов Азии [АН СССР]», XLIV, М., 1961.

жа XV—XVI вв., выполненных на том языке, близость которого к средневековому андижанскому говору особо подчеркивал Бабур.

Из-за разобщенности мест проживания тюрков, их разбросанности по разрозненным и весьма отдаленным друг от друга территориям Узбекистана и Таджикистана при анализе их языковых особенностей нам пришлось ограничиться материалами говоров тюрков в основном Самаркандской области и прежде всего — говоров кышлаков Усмат-тюрк (Галляаралский район; далее сокращенно — У.-т.), Курпа-тюрк (Джизакский район; сокращенно — К.-т.)⁴, Кара-тепа (Ургутский район); в меньшей мере — говора тюрков, проживающих близ Фарыша в совхозе Галляарал II (I отделение, далее — Г. II), а также говора тюрков, населяющих кышлак Морьяк Ганчпинского района Таджикской ССР (близ г. Уратепа) (далее — М.). К исследованию привлекались также сведения о говорах тюрков Заминского района Сыр-Дарьинской области, Чиракчинского и Шахрисябзского районов Кашка-Дарьинской области, Денауского района Сурхан-Дарьинской области.

Любопытно отметить, что сами носители изучаемых говоров считают тюрков Усмата, Курпа и Замина «одинаковыми по языку»; пенджикентские тюрки своим языком несколько отличаются от них, хотя и признаются близкородственными первым; наибольшие языковые отличия от первых содержатся в речи барласов (по свидетельству Умаркула Касымова, 77 лет, К.-т. и Турсуна-Пулата Набиева, 61 год, У.-т.). Некоторое представление о сходстве и различиях говоров тюрков, привлекаемых к исследованию, можно видеть из следующих параллелей:

Усмат-тюрк			
Орта балант	Калтатан	Барлас	
эннь «сейчас»	эндь	эннь	
сыйър «корова»	сыйър	ънэк	
ъл «год», ьлкъ «табун»		ъл, ьлкъ	
буээ «теленок»		буээк ббээк	
бъээр бъээ «мы»		(не записано)	
бэрэптъ «он идет»/дейэптъ «он говорит»		бэрэптъ	
дейеъ «мы говорим»		бэрэуэ «мы идем»,	
мыннэ «этак», уннэ/ъннэ «так»		келэуэ «мы приходим»	
(но кэннэй «как», эттэй «как конь»)		кэннэз, эттэй/эттэк	
Курпа-тюрк	Галляарал II	Кара-тепа	Морьяк
эннь/эндь	эндь	эннь	эннь/эндь
сыйър	сыйър	сыйър/ънэз	сыйър
ъл, ьлкъ	йъл, йьлкъ	ъл, ьлкъ (но йлкъ)	ълкъ, ьлкъчъ
буээз буээ	буээз	ббээк	буээз
бъээр	бъээр бъээлэр	бъэ бъээр	бъээлэр
бэрэптъ/вэрэптъ	бэрэптъ бэрэйтър	бэрэптъ	бэрэптъ
дэсдэй «как друг»	дэсдэй	кэннэз кэннай,	дэсдэй дэсдэк
к.: рамэннэй «как герой»		дэсдэй	

Детальное выявление языковых взаимоотношений всех существующих говоров тюрков составит тему самостоятельного исследования. При почти полной неизученности говоров тюрков в настоящее время наиболее близкие из них — говоры кышлаков Усмат-тюрк и Курпа-тюрк — ниже рассматриваются в совокупности их языковых черт.

Переходя к анализу языковых особенностей этих говоров, отметим прежде всего те их черты, которые сближают эти говоры с городскими говорами среднеузбекского диалекта. В изучаемых говорах гласных насчитывается то б — ь, э, э, ж, ъ, у — в тех случаях, где произошло слияние

⁴ Пользуемся случаем выразить свою признательность У. Насирову и Х. Джураеву, любезно познакомившим нас со своими материалами по говору кышлаков Курпа-тюрк и Усмат-тюрк.

переднего *o* и заднего *o* (графич. *ў*) в один звук *ö* (*бöldъ*; подобное явление отмечено в городских говорах самаркандско-бухарской подгруппы), то *7*, когда задний *o* сохраняется.

Фонема *э*, по наличию которой говор тюрков сближается с городскими говорами самаркандско-бухарской подгруппы, употребляется как в первом, так и — спорадически — во втором слоге, который может входить в состав как корневой морфемы, так и словоизменительной морфемы⁵: *бөрәптә*, *кэмәптә*, *қәнәр* (У.-т.); *укэ*, *этәгәл*, *эйгәгмәз*, *вөрәптә* (К.-т.).

Для изучаемых говоров характерно аканье в первом слоге: *этә*, *әстә* — *нъзда*, *әлдъда*, *әрәләп*, *әпә*, *әшдъ*, *бәлләр* (лит. *болалар*), *әтәлтәп кәгән* (У.-т.), *әвә* (лит. *амқи*), *әкэ*, *әтэ*, *эйгәгмәз*, *әтәгәл* (К.-т.), которое, однако, не проводится последовательно; ср.: *әсән* «легкий», *әлләгән* «желавший» (У.-т.), а в говоре Курпа-тюрк параллельно с *ләләк* «мак» отмечено *лләк*. Средневековый говор, на который был ориентирован язык «Бабур-наме», скорее всего был акающим; по мнению А. М. Щербака, данных о появлении «оканья» в староузбекском языке нет⁶.

Губная гармония гласных в говорах тюрков проявляется спорадически, причем действие ее распространяется не далее второго закрытого слога, по преимуществу — корневого, например: *әтун* «дрова», *әттуз* «тридцать» (К.-т.). Примечательно, что узкий губной *y* во втором закрытом аффиксальном слоге может быть факультативно представлен и после неогубленной корневой гласной — *Темур/Темир* (У.-т.) личное имя, *келур* «придет» (К.-т.); особенно часто узкий губной *y* в указанной позиции фиксируется в записи дастанов «Гөр бәгль» и «Изъ-Зәвэ», произведенной от сказителя М. Хакимова (76 лет) из кишлака Кизил джар Денауского района Сурхан-Дарьинской области: *бәлмәймүсән* «не знаешь ли ты», *кәрмәймүсән* «не войдешь ли ты», *қәләдур* «оставляет», *қойзәдур* «кладет», *бәгльдур* «[это] его сын», *тәләрдур* «[это] их горы», *йәздәрдур* «заставляет выжимать (сок)»; в говорах тюрков Кашка-Дарьинской (особенно в кишлаке Тарагай Чиракчинского района) и Сурхан-Дарьинской областей обычны корневые и словоизменительные формы типа *сәндуг/сәннуг*, *барайнук* «пойдем-ка мы».

В языке «Бабур-наме» губная гармония, которая, по А. М. Щербаку, в этот период «предстает в неустойчивом виде»⁷, характеризуется все же значительным лексическим охватом — это касается как корневых слов (*огул*⁸, *көңүл*, *урду*, *бугу* «олень»), так и некоторых дериватов (в основном уже не воспроизводимых — *öliş* БН 39 «часть, доля», *қошун* БН 17₁₄ «войско», *өтрү* БН 202₈, 206₁₁, 66₂ «напротив, навстречу», *бөлік* БН 21 «уезд, отделение племени, рода», *түзік* БН 16 «порядок, правило», *өтік* «сапог», *үсрік* «пьяный», *өксік* БН 286₄ «недостаточный», *Қутлуқ бәкім*, *йолуқ* — «встретить, наткнуться»). Далекое не все аффиксы как словообразования, так и словоизменения подвергаются губной гармонии. Хотя к глагольной основе с губным вокализмом присоединяются аффиксы любого залога с губным гласным: *тутул-*, *унутул-*, *түзул-*; *олтуруғ-*, *тйшур-*; *көрүш-*, *уруш-*; ср. также оформление основы с губным вокализмом показателями двух разных залогов: *ййкүндурул-*, *туттурул-*, *көрү-*

⁵ Аналогичное явление можно отметить в песнях тохчионских карлуков (Сары-Ассийский район Сурхан-Дарьинской области) в записи Б. Х. Кармышевой: *хари-дор булоди-ей* (Б. Х. Кармышева, Об узбекских трудовых крестьянских песнях, стр. 72).

⁶ А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М. — Л., 1962, стр. 69.

⁷ Там же, стр. 74.

⁸ При передаче примеров из «Бабур-наме» в целях большей наглядности схождения и расхождений его языка с говорами современных тюрков применяется транслитерирование (с элементами транскрибирования) на основе современной узбекской графики.

шул-, урушул-, необходимо, однако, учитывать, что соблюдение губной гармонии в этом случае имеет своей обратной стороной тенденцию к безразличному, нейтральному употреблению (т. е. к стандартизации) губных вариантов залоговых показателей при основах с негубным вокализмом (за исключением показателя взаимно-совместного залога: *чиқиш-, кіриш-* БН 31₃), например: *қачур-* БН 269₄, *бақтур-* БН 31₂, *йашул-, кэитурул-, йандурул-, қачурул-, чабтурул-, йэткурул-, кийдурул-, қаздурул-, айт(т)урул-, сіндурул-*. Подобное же соотношение в соблюдении губной гармонии и, с другой стороны, распространения губных вариантов аффиксов на основы с негубным вокализмом наблюдается при оформлении и некоторых других глагольных категорий. Ср., например, показатель причастия настоящего-будущего времени *-(а/у)р*: *йурур, болур*, но также *білур, кэлур, алур, қалур, қілур, барур, чиқарур* (но см. наряду с этим *көррр, учар* и проч.); имя действия на *-гу* и его производные: *болғулук* БН 377₁₄, *олтур-гудэк* БН 445₇, *қорққудэк* БН 389₁₄, *қошулғучи* БН 331₅, но также *ичкүлук* БН 17₂, *қилғулук* БН 271₁₅, *тилғудэк* БН 283₁₅, *таніғусіз* ВН 212 П₉, *алғундур* БН 216₁₃; предикативный показатель 3-го лица ед. числа *-тур*: *болубтур, тйшубтур*, но также *қілібтур, алібтур*; вопросительная частица: наряду с типом *көрдүңуз му — тута му дур* БН 240₇, *бера мудур* БН 396₁₈; показатель повелительного наклонения 3-го лица: *болсун*, но также *қілсун, кэлсунлар*; показатель прошедшего категорического времени, снабженный аффиксом 1-го лица мн. числа (материал приводится ниже). Подобное нейтральное употребление губных вариантов аффиксов само по себе может свидетельствовать о недостаточно развитой специализации губной гармонии в этот период эволюции языка.

О соблюдении губной гармонии, не связанном со стандартизацией губного варианта аффикса, можно говорить, например, в случаях присоединения к глагольной основе с губным вокализмом показателя прошедшего категорического времени + показатель 1-го лица ед. числа: *тйштум, болдум* (но ср. *қилдим, атландим*), а также показателя деепричастия *-(у/і)б*: *оқуб, болуб, буйуруб, қошуб* (но *қіліб, кэчіб, тартіб*; ср., однако, разночтения по рукописям: *чиқуб* С 11, 12 и *чиқіб* К 60, 76) и показателя глагольного имени *-(у/і)ш*: *уруш, көруңуз* (но *кэліш, баріш*)⁹.

Палатально-велярная гармония гласных не свойственна изучаемым говорам; что касается языка староузбекской литературы, то А. М. Щербак, например, осторожно отмечает, что «данные, позволяющие говорить о степени сохранности или устойчивости первого типа [палатально-велярной. — Г. Б.] гармонии гласных в староузбекском языке, в нашем распоряжении почти нет», и перечисляет при этом «лишь несколько [около двух десятков. — Г. Б.] случаев нарушения палатально-велярной гармонии в некоторых собственно тюркских и заимствованных словах и непостоянство ее в разного рода композитах»¹⁰. К. Броккельман, основываясь на регулярных наблюдениях над употреблением велярных *к, г* и палатальных *к, г* в кругу изучаемых им морфем, отмечает, что в языке классической литературы эти согласные в аффиксах «зачастую совпадают, между тем как оба ряда гласных выравниваются в один

⁹ Детализованные списки грамматических форм (как глагольных, так и именных), характеризующихся соблюдением губной гармонии, а также списки форм, не подвергавшихся губной гармонии, приводит А. М. Щербак (указ. соч., стр. 74—76).

¹⁰ А. М. Щербак, указ. соч., стр. 73 и сл.

нейтральный» (разрядка наша. — Г. Б.)¹¹. Вообще же он полагает, что «противопоставление обоих рядов гласных стирается... уже рано»¹². При обращении к практике передачи текстов классической литературы в транскрипции оба исследователя, однако, строго придерживаются принципов палатально-велярной гармонии гласных¹³.

В. В. Решетов, основываясь на разборе работ К. К. Юдахина и А. К. Боровкова, посвященных анализу языка старшего современника Бабур — Алишера Навои, подчеркнул, что «мнения исследователей в основном не расходятся по вопросу о принадлежности диалектной базы языка Навои к несингармоническим узбекским говорам»¹⁴, и высказал предположение, что андижанский говор «уже в эпоху Бабур не был строго сингармоническим, как и говоры некоторых других городов Ферганы, например Маргелана, но сохранял контрастирующие пары в ряду губных гласных верхнего и верхне-среднего подъема, прослеживаемые и сейчас в андижанской группе узбекских говоров»¹⁵.

Наблюдения над текстом «Бабур-наме» позволяют обнаружить отдельные явления, само существование которых налагает известные ограничения на действие палатально-велярной гармонии гласных¹⁶ (говоря далее о гармонии гласных, мы будем иметь в виду именно палатально-велярную гармонию). Для таких наблюдений в качестве наиболее подходящих выбраны грамматические показатели, причем именно такие, консонантизм которых особенно выразителен при передаче палатальности и велярности гласных. В результате в поле нашего внимания оказались аффиксы, варианты которых в соответствии с принципами сингармонизма и гармонии гласных должны иметь в своем составе или увулярные *k*, *g*, или заднеязычные *ŋ*, *z*.

О нейтральном характере звука *i*, способного иметь «фонетический, но не сингармонический вариант»¹⁷ при сочетании с увулярными или заднеязычными согласными, могут свидетельствовать колебания в использовании мягких и твердых вариантов аффикса- *lik/-lik*, образующего имена существительные и прилагательные, ср.: *imlik* БН 219²³ «деловой», но *amlik* БН 284⁵ «обладающий именем», *tikanlik* БН 373²⁰

¹¹ C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, Lf. 1, Leiden, 1951, стр. 39.

¹² Там же, стр. 49.

¹³ К. Броккельман, транскрибируя не укладывающееся в рамки палатально-велярной гармонии гласных написание *šiqūk* «мы вышли» с ауслаутиым кифом, передавал гласный аффикс не нейтральным звуком, а палатальным *i*; свою транскрипцию он сопровождал подтверждающе-удивленным восклицанием «(so!)» (указ. соч., стр. 32). Точно так же употребление одного и того же слова с *-qa* и *-ka* — вариантами показателя дат.-напр. падежа — он обозначает как колебание между двумя сингармоническими вариантами слова *dunyaqa* ~ *dūnyākā* (там же, стр. 50).

¹⁴ В. В. Решетов, Узбекский язык. Ч. I, Ташкент, 1959, стр. 22.

¹⁵ Там же, стр. 23.

¹⁶ В. А. Богородицкий видел условие «для перехода в несингармоническое состояние» именно в том, «чтобы разорвалась ассимиляционная связь между суффиксами и корнем таким образом, чтобы за данным суффиксом утвердилась одна из его разновидностей» (см. его «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками», Казань, 1953, стр. 101, примеч. 2; ср. также: М. А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, М., 1955, стр. 124).

¹⁷ Г. П. Мельников, Объемные геометрические модели в пространных физических характеристиках для анализа статических и динамических свойств фонологических систем, М., 1965, стр. 29. Предположение о первичной нейтральности *i* в отношении гармонии гласных см.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 183. Отмечая, что у Навои ничего не говорится «о различении гласного *i* и заднего *y*-образного гласного», А. К. Боровков предполагал «отсутствие чередования здесь по линии палатальности и непалатальности» (А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, сб. «Алишер Навои», М. — Л., 1946, стр. 106).

«обладающий пипами» и *тиканлиқ* 373₂₃; *мухассиллик* БН 270₁₆ «сбор податей» и *мухассиллиқ* 271₆; *қара раңлиқ* БН 364₁₈ «черного цвета», но *сăбз раңлиқ* 365₆ «салатного цвета», *саріқ раңлиқ* БН 367₂₁₋₂₂ «желтого цвета» (ср. и *бăш кўнлуқ* БН 261₁₈ «пятидневный»). Аналогичное явление свойственно узбекским говорам городского типа, что нашло отражение и в современном литературном языке. Кстати, вслед за Г. Хазаи, Г. П. Мельников развитие губной гармонии и закрепление огубленных аффиксов только после слогов с огубленными гласными связывает именно с развитием и стабилизацией противопоставления *i* — *ï*¹⁸.

Не только в плане «нарушения согласования по принципу губности» примечателен показатель прошедшего категорического времени, снабженный аффиксом 1-го лица мн. числа. В языке «Бабур-наме» из четырех приводимых А. М. Щербаком для староузбекского языка вариантов (*-дйк* ~ *-дйк* ~ *-дук* ~ *-дйк*) фактически употребляются варианты с обязательными признаками не только узкости, но и губности — независимо от губного или негубного вокализма основы (ср. аналогичное явление в уйгурском языке¹⁹), причем в аудлауе аффикса чаще всего выступает заднеязычный *к*. Если же говорить еще точнее, то на 270 страниц второй половины «Бабур-наме» приходится всего около десятка случаев употребления велярного *-дук*, причем весьма ограничен круг глаголов, к которым этот вариант присоединяется. Таких глаголов оказывается только пять, и указанная форма каждого из них (с велярным вариантом) обладает неодинаковой частотностью (хотя в тексте «Бабур-наме» эти глаголы примерно одинаково часто употребительны), см.: *мутаваджджйх болдук* БН 232₁₀, 267₁₈₋₁₉ «мы направились», *атландук* БН 89₁₀, 263₂₂, 265₂₁, 330₂₂ «мы отправились», *бардук* БН 238₅ «мы шли», *айт(т)ук* БН 237₁₁ «мы сказали», *айта алмадук* БН 242₂₀ «мы не могли сказать» (ср. еще БН 240 I₁₄ *айра алмадук* при БН 267₁₈ *айриб йибара билмадук*); те же самые глаголы параллельно употребляются и с палатальным вариантом *-дук* (например: *мутаваджджйх болдук* БН 271₂₂, 276₄, 302₁₄, 319₁₆, *атландук* 250₃, *бардук* 256₆, *алдук* 243₂₃), причем по частотности такие формы резко превосходят формы с велярным вариантом *-дук*²⁰. Глаголы с графически ярко выраженным велярным консонантизмом и вокализмом, как, например, *кйл-* «делать», *чйк-* «выходить», *йла-* «совершать набег, нападение», *аткйула-* «постреливать», *тйк-* «вталкиваться», *кйон-* «ночевать», *кйой-* «класть», *уйкйула-* «спать», *оқла-* «пускать стрелы» и др. ни разу не отмечены с велярным вариантом *-дук* и встречаются только с *-дук*²¹, например: *кйлдук*

¹⁸ Г. П. Мельников, [рец. на кн.]: М. А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, ВЯ, 1966, 5, стр. 136. О взаимосвязи и механизме действия «палатального сингармонизма» и «привходящего губного сингармонизма» см.: В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 132, примеч. 1.

¹⁹ Ф. Г. Исхаков, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков, ИСГЯ, I, М., 1955, стр. 102. По мнению Х. Д. Данирова, губные варианты этого аффикса принадлежали языку староузбекской литературы, негубные характеризовали кыпчакскую языковую стихию, окружавшую тюрков.

²⁰ Перечисленные основы, тем не менее, принадлежат к твердому ряду, что с очевидностью демонстрируется примерами типа *атланган* БН 31₁₅, 89₁₆, 150₃, *болгай* БН 39₁₉, *болганда* 39₁₇, *болгач* 72₉, *болгусидур* 191₁, *барган* 72₃, *алгали* 190₆ (ср., однако, *кйлмаган* БН 380₁₂).

²¹ Ср. свидетельство В. В. Решетова о том, что «в сингармонических говорах карлуко-чигиле-уйгурского наречия (узбекского языка. — Г. Б.)... выступает один ряд аффиксов, преимущественно передних...» (в сб. «Диалекты тюркских языков Советского Союза», в печати). Это же явление намечается и в говорах тюрков, где обычны формы типа *чйкдйк*.

БН 244^{12, 13}, 247¹⁶, 269²⁰, 277²³, 278²⁰, 291¹⁵, 294¹⁴, *қилмадук* 313²⁰, *чиқтук*
 БН 246¹⁷, 248¹⁹, 256²⁰, *илмадук* БН 294²³, *атқуладук* 248²⁰, *тиқтук* 109²².

Представляется возможным истолковать описанное явление как стремление к стандартизации одного варианта *-дук* (из постулируемых четырех) в силу его проявившейся индифферентности как к губной и палатально-велярной гармонии гласных, так и к сингармонизму в целом (в нашем материале, к сожалению, отсутствуют случаи, когда велярность или палатальность *-дук* могла бы стать ключом к смысловозначению всей словоформы; имеется в виду противопоставление вроде *олтурдук* «мы убили» — *олтурдуқ* «мы сидели»²²).

Известное стремление к индифферентности в отношении гармонии гласных обнаруживают и некоторые другие аффиксы; любопытным образом это стремление проявляется в показателе дат.-напр. падежа. Несмотря на тот факт графики, что в ауслауте алиф пишется обычно в сочетании с кяфом, в то время как ха-и хавваз сочетается с кяфом и гайном²³, на нейтральное качество выступающего в составе вариантов дат.-напр. падежа аслаутного гласного *-а* могут указывать такие параллели: при обычном *аркка* БН 270¹ «в кремль» употребляется *аркқа* 255¹, при обычном *кімға* БН 261²² «кому» — *кімқа* 499²², при обычном *анға* БН 14¹, 109²², 208¹⁵ «ему» — *анға* БН 313¹⁹, 344¹⁶, 477¹⁶, при обычном *мәнға* БН 14⁷, 329¹⁵ «мне» — *манға* 319¹²; пример разночтения по рукописям: К 135, БН 29 *Самарқандға* — С 19 *Самарқандға*. Ср. также случаи, где вариант *-ға* присоединяется к основе с палатальным звуковым составом (*көңдімға* БН 463¹⁴ «моему сердцу») и, наоборот, вариант *-ға* отмечается в слове *йіл* «год» (*ййз ікі ййз йілға йақін* БН 421²² «приблизительно 100—200 лет»). См. также случаи безразличного употребления аффикса *-рақ/-рақ*: *қош раңрақ* БН 362¹⁵ «получше цветом», *бірәңрақ* БН 443⁹ «побесцветнее», а также параллельное употребление *көпрак* БН 278¹⁸ «побольше» и *кбп-рақ* БН 272⁸, 356⁴, *кічікрақ* БН 304¹⁰, 308¹⁷ «поменьше» и *кічікрақ* БН 308¹⁵²⁴.

Если при истолковании изложенных выше наблюдений принять во внимание высказанную еще К. Броккельманом мысль о существовании

²² В то же время в языке «Бабур-наме» можно наблюдать ряд случаев, когда явление сингармонизма используется для смысловозначения: *олтурған* «убивший» (*ата-сіні олтурғандін соң* БН 296¹⁰ «после того как убили его отца») и *олтурған* (*туздағи олтурған ағғанлар*) БН 282²³—283¹ «равнинных, оседлых афганцев»), *илғарі* БН 244¹¹, 265¹⁰ «вперед, вперед» и *илғарі* БН 233¹² «его нападение», *әғач* БН 204⁶, 255²¹, 260²² и т. д. «старшая сестра» *иғәгәча* «госпожа» (БН 209²³ *Папа ағача*, 209¹⁷ *Миңлі бәй ағача*, 214⁴ *Бәкі Султан ағача*, 281¹⁸ *Дилдар ағача*).

²³ На то, что ха-и хавваз может обозначать в «Бабур-наме» нейтральный гласный *-а* в ауслауте, указывает безразличное использование ха-и хавваз и алифа в ауслауте, например, слова *қатла* «раз» (ср. БН 53², 185¹¹, 255¹⁷, 484²³ — написание с ха и БН 253¹⁶, 256¹⁹, 449¹³ — с алифом) или *бәйға* (в БН 29¹⁰ оно пишется с ха, в БН 23 II⁹ — с алифом). Такое же нейтральное *-а*, регулярно обозначающее ха, оказывается в глухом варианте показателя местного падежа *-та*; для звонкого варианта *-да* имеются разночтения по рукописям: с ха в БН 6 I² *кітабларда* и 20 II⁵ *қағазлықларда*, но те же словоформы с алифом в БН — соответственно 6²¹ и 25⁸; ср. еще Тур ис 104 стр. 2 *шәһәтда* с алифом в ауслауте и БН 2 *шәһәтта* — с ха. Нейтральность гласного, обозначаемого в этих вариантах посредством ха, подчеркивается регулярным употреблением варианта *-та* (*-а* обозначен ха) при словах, фонетически принадлежащих к велярному ряду: *ирақта* БН 207¹⁸ «в Ираке», *учмақта* 359¹⁸ «в полете», *сауукта* 54¹⁵ «в колоде». На недифференцированное употребление «мягких вариантов» падежных показателей указывает также Алибек в своей статье «XV аср адабий тилининг вокализми» (ЎТАМ, 1962, 6, стр. 67).

²⁴ На «смешение» кафа и кяфа обращал внимание еще Махмуд Кашгарский (см. его «Девону луғотит турк», I. Таржимон ва наһрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, Ташкент, 1960, стр. 69).

нейтральных гласных в аффиксальных слогах²⁵, то можно прийти к выводам, которые противоречат традиционным принципам транскрибирования текста «Бабур-наме» как принадлежащего языку с последовательно действующей палатально-велярной гармонией гласных²⁶. На этом основании мы вводим в используемую нами транслитерацию дополнительный диакритический значок для обозначения нейтральности гласного непервых слогов — подстрочную точку (т. е. *a*, *y*; *i* обозначает нейтральный в отношении гармонии гласных звук).

Таким образом, в языке «Бабур-наме» представлены неразрывно связанными (а подчас — и воплощенными в одних и тех же вариантах аффиксов) тенденции, во-первых, к стандартизации аффиксов с вокализмом, нейтральным по отношению к палатально-велярной гармонии гласных, а, во-вторых, в ряде случаев — к стандартизации губных вариантов аффиксов с заднеязычным согласным в ауслауте, способных выступать как несингармонические (т. е. в соединении с основами, имеющими негубной вокализм).

Именно «слабое артикуляционное различие мягких и твердых разновидностей»²⁷ нейтрального *i*, как это предполагает Г. П. Мельников, может обуславливать йотацию его начальной позиции — оказавшись без поддержки и вне влияния соответствующего (и в какой-то мере определяющего) тембра согласного, этот нейтральный звук находит средство своего усиления в протезе *й*-²⁸. Уже сама по себе колебательность явления йотации

²⁵ Факты, подобные вышеизложенным, допускают и толкование в плане гипотезы о сравнительно позднем развитии гармонии гласных в тюркских языках и о вторичности ее по отношению к сингармонизму (см., например: М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 86 и сл.; ср. М. Моллова, К истории тюркского вокализма, ВЯ, 1966, 2).

²⁶ По мнению А. М. Щербака, четкое различие в «Мухакамат ал-дугатайн» Навои «четырех вариантов произношения буквы „зав“, выделяемых по признаку твердого или мягкого ряда (*ot*, *yt/ot*, *it*) и по признаку широты или узости (*ot*, *ot/yt*, *it*)» «свидетельствует о том, что в языке Навои, по крайней мере в пределах губных, сохранялась общетюркская шкала вокализма, и гармония гласных не была утрачена» (указ. соч., стр. 67). Не следует, однако, забывать, что Навои имел в виду вокализм только первых, корневых слогов; общеизвестно к тому же, что те же гласные, что и в корне, могут встречаться в аффиксах в том только случае, если гармония гласных проводится достаточно последовательно (о возможности сохранения «системы гласных, развившихся в период существования сингармонизма», при исчезновении «не только губной гармонии, но и гармонии по признаку ряда», см.: Г. П. Мельников, О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту, «Народы Азии и Африки», 1962, 6, стр. 134). О том, что именно в пределах губных гласных существование гармонии в описываемый период вызывает особенные сомнения, достаточно ясно может свидетельствовать самый факт нейтрального употребления вариантов аффиксов с обязательными признаками не только узости, но и губности и с почти обязательным признаком палатальности замыкающего заднеязычного согласного (последний признак многими исследователями принимается за мягкость аффиксального гласного, не зависящего от вокализма основы; мы истолковываем этот признак как нейтральность аффиксального гласного по твердости — мягкости).

Примечательно также, что нарушение гармонии гласных в историческом аспекте все более привлекает внимание лингвистов — с докладом на эту тему, основываясь, главным образом, на анализе языка произведений Навои, выступил недавно Ф. А. Абдуллаев (об этом см.: «Общественные науки в Узбекистане», 1966, 3, стр. 52).

²⁷ Г. П. Мельников, Математические формулы и блок-схемы электронных автоматов для описания и моделирования взаимодействия дифференциальных признаков фонем при сингармонизме (огласовка тюркских аффиксов). Ч. 1, М., 1961, стр. 28.

²⁸ Возможно, при этом не лишним будет учитывать также свидетельство Рамштедта, который, по словам М. Рясянена, писал, «что артикуляция *j*- в восточнотюркском языке настолько слаба, что графически ее можно обозначить, по усмотрению пишущего *j*- или даже *i*-» (М. Рясянен, указ. соч., стр. 165); указание на *j*, «колеблющийся между палатально-спирантным и полувокальным произношением», см. также: С. Вогскелманн, указ. соч., стр. 46. Опускание этого *j*- К. Броккельман,

в этом случае (т. е. наличие анлаутного *й*- там, где, казалось бы, ожидать его не следовало, и отсутствие его в лексемах с исконным начальным *й*-) весьма показательна именно в указанном плане.

Протеза начального *й*- наблюдается в говорах тюрков Самаркандской области: У.-т. *йэмэс* «не суть» (лит. *эмэс*), в говоре Кара-тепа *йэшишэг* «осел», *йэштэмэсмъзгэ* «из-за того, что мы не слушаем», *йэмэс*, *йэкъ* «два» (наряду с *экъэьйэм* «также они оба»), *йэпэ/этэ* «старшая сестра», *йэкэ/экэ* «старший брат»; это явление регулярно наблюдается в говорах тюрков Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей²⁹, например, у барластов кишлака Лангар Чиракчийского района Кашка-Дарьинской области: *йэскъ* «старый», *йэчкъ* «коза», *йэл* «народ», *йэлмък* «пятьдесят», *йэнтъ/энтъ* «сейчас», *йэшткэн/эшткэн*. Ср. также М. *йъйна* «иголка» (ср. лит. *игна*, кыпч. *ъйна*).

Наряду с этим нередко случаи падения анлаутного *й*- — во всех этих говорах (кроме Г. II) отмечены *ълкъ* «табун», *ълкъчъ* «конеvod», У.-т. — *ъл* «год», *ъйна*, К.-т. — *ъл*, *ъръй* «далеко»; в говоре Кара-тепа — *ълкъльнтъ* «свалился», *ълкъльп*, *ълкъльмъ* (иногда — *йълкъльп*), *ърэгъ* «сердце» (лит. *юракъ*).

В языке «Бабур-наме» обычны слова с анлаутным *й*- перед узкими гласными: *йълкан* «парус», *ййлак/ййлаг* «пеший», *ййлқіран* название кушанья (БН 316₁₇); регулярной, как и в старотуркском языке, является форма слова *ййгач* «дерево» (БН 122₂₂, 162₆, 164_{3,4}, 165₄, 166₃, 193₁₄, 217₁₆, 250₁₉, 354₂₀, 356₁₂, 371₁₃, 427₁₈). Ср. также *йэсір* «шленный» (БН 438₁₄/ВН 339 I), *ййлад* «быстрый» (БН 119₂₂). Последние два примера — единичные при частных здесь *эсір* и *йлад*. Случай падения анлаутного *й*-: *агач* БН 369₁₈, *илқіларіга* БН 200₁₇ «к его табунам»³⁰, *ирақта* БН 39₁₉ «вдалеке», *ирақрақтин* БН 293₄ «издалече» (при обычном *йирақ* «далекий») Эр БН 360₁₀ «место» (при обычном *йэр*), *йбардук* БН 333₁₈, 435₇ «мы послали» (при обычном *ййбардук*), ср. еще *қаравул ірган ййгітлар* ВН 25 II, при *қаравул ййбарған ййгітлар* БН 32₂ «молодцы, посланные караулом» (ср. в связи с этим *йэрдък* К.-т. = лит. *юбордик*).

В связи с анлаутным *й*- и его протезой следует упомянуть о его сужающем воздействии на последующий широкый гласный³¹, что представлено регулярно встречающимися в языке «Бабур-наме» формами *ййгач* «дерево», *ййна* «еще, также», *ййлак* БН 113₃, 140₆, 185₂, 342₃ «пеший»,

опираясь на указание Махмуда Кашгарского, считал «особенностью диалекта гузвов и кыпчаков» (там же); Махмуд Кашгарский считал присутствие начального *й*- присутствием речи средневековых тюрков. О том, что в старотуркском языке «оказываются предпочтительными йотированные формы», см. также: А. М. Щербак, указ. соч., стр. 231.

²⁹ На сходное явление в ташкентском диалекте узбекского языка вслед за Ст. Вурмом указывал М. Ряснен (указ. соч., стр. 164). См. то же в кыпчакских говорах Бирунийского района (Э. Ю. Уразов, Узбекские говоры Южной Каракалпакии. Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1966, стр. 7), а также в части кыпчакских говоров Самаркандской области.

³⁰ Ф. А. Абдуллаев отмечает варианты *илқи* — *йилқи*, *ипак* — *йипак* в произведениях Алишера Навои и указывает на случаи выпадения начального *й*- в памятниках тюркской письменности XIII—XV вв. (см. Ф. А. Абдуллаев, О генезисе джеканья в тюркских языках, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, 2, стр. 49).

³¹ А. М. Щербак предполагает «в небольших размерах палатализирующее воздействие [й- — Г. Б.] на соседние звуки и на характер или тип вокализма в целом» (указ. соч., стр. 87). О том, что начальный *й*- способен вызывать род «расщепления» в последующем гласном, говорит М. Ряснен (указ. соч., стр. 53). К. Броккельмана, который готов был признать влияние анлаутного *й*- на последующий гласный, удерживала лишь последовательность в осуществлении этого явления в формах одного и того же слова.

пешком». После анлаутного *й*- в слове *йибар*-регулярно используется узкий негубной *i*³²; в той же позиции в слове *йур(у/и)*-регулярно представлен узкий губной *у*; ср. однако узкий негубной *i* в его производном *джирутма* БН 199₁₂ «труднопроходимая тропинка».

В изучаемых говорах с указанным явлением может быть сопоставлено разогубляющее воздействие анлаутного *й*- на последующий губной гласный — *йэкътъб қўйамъз* (лит. *йўқотиб қўямиз*), *йәрдък* (К.-т.) (лит. *юрордик*), *йэврѣм* (Кара-тепа) (лит. *юрордим*).

В консонантизме современных говоров тюрков следует отметить возникновение *й* < *к* как в инлауте, так и в ауслауте — *эшъйнъ эч*, *кэттъкъ/кэттъй-да*, *къчъй*, *кучъй*, *кърпъй*, *этэбэй*; в «Бабур-наме» отмечен единственный случай в имени собственном: *Миңли бэй агача* БН 208₇, 209₁₇. Точно так же в ауслауте и инлауте говоры показывают возникновение *й* < *г* (*сыйър* «корова»), причем формы с *-й* и *-г* в ауслауте употребляются параллельно: *керэг/керэй*, *тълэг/тълэй*, *кэтталъг/кэтталъй* (К.-т.).

Возникновение инлаутных и ауслаутных *э* < *қ* и *э* < *к* в говорах тюрков (*йэзмъ?* «нет ли?», *чъгъп* «выйдя», *йѳегэлган/йѳѳэлган* «пропавший» У.-т.; *бъѳеда*, *мъннѳг*, *уннѳг/ъннѳг* К.-т.; *чъгъп*, *чъгэрп* — Кара-тепа; *чъгъп* Г. II) наряду с возможным параллельным употреблением ауслаутных форм на *-к* и *-г*, *қ*- и *-к* (*чъйнук/чъйнѳг* М.; *чъйчък/чъйчъг*, *қудук/қудуѳг* «колодец» при дат.-напр. падеже *қудуққә/қудуѳѳә* У.-т.; в говоре кишлака Кара-тепа — *йѳѳк/йѳѳ* «нет», *қуругълъқ/қуругълъѳг* «сухость», наряду с *сувук* «холодный», *бѳйльк* «княжество», *пшишльқ* «падишахство» широко распространены *къчъг* «маленький», *узѳг* «кольцо», *ѳрѳг* «серп», *чъѳ* «выходи», *йашильъѳ* «добро», *йѳмнльѳ* «зло») имеет опору в языке классической литературы и, в частности представлено в «Бабур-наме».

Широко представлены в языке «Бабур-наме» колебания ауслаутных *-қ* ~ *-ѳ*³³ в одном и том же слове, например: *йййақ* БН 113₃, 140₆, 185₂, 342₃ «пеший» наряду с *йййаг* 117₂₀, 338₅, 394₇, *йавуѳ* БН 425₈, 436₁₃ «близкий» на фоне обычного *йавуқ* (ср. *йавуѳ* в современных говорах тюрков), *тавуѳ* БН 337₁ «курица», *тавуѳниң* 362₁₂ и *тавуқ* 337₂, *тавуқни* 363₁₆ (ср. в говорах тюрков — К.-т., У.-т. — *тавуѳ*); *қулаѳ* 339₁₉ «ухо» на фоне обычного *қулақ*; *балѳ* 308₂₃, 365₂₃ «рыба», *балѳлар* 366_{3,5,7} рядом с *баліқ*; *йанқаѳ* БН 369₉ «орех» и *йанкақ/йангақ* 370_{2,15}, *ошандаѳ* 134₁₁ «вот так» при *ошандақ* 130₃, 131₅. Особенно показательно в этом отношении прилагательное *улуқ/улуѳ* «большой, великий» — в Керовской рукописи явно преобладает написание *улуѳ*, хотя *улуқ* тоже представлен достаточным числом случаев (37 раз на протяжении второй половины БН); в Хайдарабадской рукописи (BN) предпочтение отдается форме *улуқ*³⁴.

³² О делабиализации узких губных гласных в ногайских диалектах, объясняемой отчасти ассимиляцией губных соседнему *й*, см.: Э. В. Се в о р т я н, Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков, ИСТЯ, I, стр. 27.

³³ Особенности арабской графики с одинаковым обозначением в ней *к* и *г* не позволяют выявить переход *к* > *г*, который, без сомнения, имел место в языке того времени.

³⁴ См.: С. В г о с к е л м а н н, указ. соч., стр. 41. Сопоставление указанных двух рукописей показывает расхождение на первых 50 страницах всего в трех случаях, ср. *улуқ* BN 3 II₅, 46 II₁₁ (в последнем случае над кафом написан гайн, что обозначает, по-видимому, частичное озвончение *к*), 47 II₁₁ и *улуѳ* БН 3₂₃, 57₁₈, 59₄; ср. также (с гайном над кафом) BN 31 I₃, *тақъ* «гора» и *таѳ* БН 41₁₉; однако, напротив, *андиджанлік* БН 10₁₇, «андижанец» и *андиджанлік* BN 9 I₇ (характерны разночтения в отношении глухого и звонкого вариантов показателя дат.-напр. падежа после конечного звонкого или сонорного основы: в БН 47₅ *Самарқандқа*, 69₁₆ *Ходжандқа*, 439₂₁ *итмамқа* и соответственно в BN 38 I₁₁ *Самарқандға*, 56 I *Ходжандға*, 340 I₁₁ *итмамға*).

Переход $k > e$ в интервокальной позиции в именах в языке рубежа XV—XVI вв. общеизвестен; иногда он совершается в указанной позиции и в глаголах — например, *çigildi* БН 301₁₄ «[мы] вышли», *çigar* 359₄ «он выйдет» на фоне обычных *çikildi*, *çikar*; *tiğilib* 345₁₅ «теснившись» рядом с *tiğiliş* 345₁₆ «теснота».

Наблюдаемое в говорах современных тюрков спорадическое сохранение k , k в интервокальной позиции (при соединении $-k/ -k$ -основ с аффиксами принадлежности: *қулқъм* «мое ухо», *эшакъм* «мой ишак» — как в бухарских говорах) может быть сопоставлено с аналогичным явлением в языке «Бабур-наме»: *kişimiz azliğığa bakмай* БН 119₁₈ «не взирая на малочисленность наших людей»³⁵. При этом k вместо e мог выступать в интервокальной позиции внутри корневого слова: *эшик ақа* БН 109₁₃, 285₁₆, 394₁₅, 423₁₃ «дворецкий» (наряду с *эшик аға* 251₁, 307₂ и регулярно употребляющимся *аға* «старший брат»). В позиции между гласным основы и сонорным l или r последующего аффикса также мог сохраняться глухой k : *бақлан қаз* БН 190₂₋₃ «гусь-баклан», *йййақла-* БН 112₁₄, 189₁₂, 200₂₁ «стать пешим», *улуқлуғидин* БН 244₉, *улуқлар* БН 249₃, 452₁ «великие», *улуқрақ* 243₂₀, 250₄, 253₁, 339₁₈³⁶.

В современных говорах тюрков при словоизменении указательного местоимения *бу* начальный b сохраняется: *бунга*, *бунда*, *буннан*, *буннай*, *бундақ*, *бундақанъ* (К.-т., У.-т.), хотя на равных основаниях употребляются формы, где переход $b > m$ совершился (*мунна/мунда*, *муннан*, *мунча*). Такую же непоследовательность в отношении возможности перехода $b > m$ обнаруживает язык «Бабур-наме», где наряду с формами указательных местоимений *бундақ* БН 245₁₄, *бунча* 288₂, 436₅, *ошбуні* 264₁, *ошбунча* 310₅, 468₁₀ наблюдаются и более обычные здесь *мундақ* 247₃, *мунга* 31₅, *мунда* 19₁, *ошмундақ* 298₈. Наряду с более употребительным *булджар* «сборный пункт: полоса обеспечения» отмечена также форма *мулджар* БН 433₂, 435₂₀₋₂₁, 479₁₄₋₁₆, 482₁₃, 483_{1-19, 21}; наряду с более частым *чүбүруб* «идя по прямой линии» один раз зафиксирована форма *чүмүруб* БН 377₁₁. Как правило, предикативный показатель 1-го лица мн. числа, сохраняя генетическую связь с соответствующим местоимением, представлен в языке «Бабур-наме» как *-біз*, хотя изредка встречается здесь и как *-міз* (*қилурміз* БН 259₁₈ «мы делаем»). В современных говорах тюрков, наоборот, употребительной формой является вариант *-мъз* и лишь в отдельных временных формах (главным образом, на *-йән/ -ән*) отмечен вариант *-нъз/ -бъз*: *қэйтйәнпъз/ -бъз* (М.) «мы возвращаемся», *кэлпъз* (К.-т.) «мы приходим».

Из других явлений консонантизма, свойственных говорам тюрков, отметим спорадическое сохранение ауслатного $-l$ в указательных местоимениях и местоимении 3-го лица ед. числа: *ул*, *бул*, *шул* (К.-т., У.-т., кишлак Кизил джар), *әнә шул*, *мәнә шул* (К.-т.) — эти формы сближают говоры с языком «Бабур-наме».

На современных говорах тюрков не могло не сказаться близкое соседство джекающей языковой стихии. Однако воздействие окружающих джекающих говоров проявляется неодинаково в говорах тюрков разных

³⁵ Об этой характерной черте консонантизма так называемого «чагатайского» языка и современных северозубекских говоров см.: «Монгольский словарь Мукаддима ал-адаб», ч. I—II, М.—Л., 1938, стр. 411. Махмуд Капгарский считал это явление присущим языку гуззов (указ. соч., I, стр. 67).

³⁶ Ср., однако, наличие звонкого g основы в той же позиции: *бағлан қаз* БН 190₃₋₁, *бузуғлуғида* БН 15₁₁ «в его разрушенности», *йаруғлуғи* БН 441_{1, 18, 23} «его освещенность», *улуғрақ* БН 219₇, 354₄, 362₁₉, *улуғлуғи* БН 371₂₀ «его величие», *йарағлиқ* БН 38₁₂ «обтадающий оружием», *йарағлиб* БН 54₁, 86₉, 184₁ «вооружившись».

мест. Например, тюрки, проживающие в совхозе Галляарал II, I отделение, кыпчакизированы почти полностью. В других же говорах тюрков это воздействие сказалось в возникновении разрозненных фонетических и грамматических явлений, которые в своей совокупности ни в коей мере не составляют особой «системы в системе говора» и спорадическое употребление которых чаще всего носит факультативный характер. Таково употребление *дж* вместо *й* в начале немногочисленных слов, причем йекающие и джекающие формы одних и тех же слов употребляются параллельно: *жэйэв/йэйэв* «пешком» (У.-т.), *журэвэрэдъ*, но *йургэндъ*, *йурэдъган* (К.-т.).

Влияние джекающей языковой стихии своими корнями уходит в отдаленное прошлое³⁷. Интересно напомнить здесь, что об элементах «джокчи» в литературном чагатайском языке писал еще А. Н. Самойлович, указывая, в частности, на явления джеканья в языке «Бабур-наме» — *джэр* «яр, обрыв»³⁸ (всего оно представлено здесь 14 словоформами). Перечень джекающих (или «чекающих») — их А. Н. Самойлович также привлекал к рассмотрению из-за одинаковости обозначения *дж* и *ч* в рукописях XV—XVI вв.) форм может быть значительно пополнен материалами «Бабур-наме». Назовем прежде всего встречающиеся здесь единожды *джирутма* БН 199₁₂ «не легко проходимая, узкая дорожка»; *джий*³⁹ *болдук* БН 200_{18, 19} «мы стали кочевыми»; *джигин тала* БН 167₈ — трава, о которой Бабур упоминает в описании округов Кабулистана (ЛБ I 449 приводит еще и кирг. *чигин* «род тонкого камыша»); *чўнўрмақ* «быть прямым, ходить по прямой линии»⁴⁰, «идти гуськом» см. (ЛБ I 491) зафиксировано трижды: *бу аралиқни тамам чўбўруб кэйдук* БН 250₁₈ «это пространство мы прошли гуськом», *бир тэр гиз аtimi чўбўруб бармақ кэрак* БН 295₁₂ «[расстояние в] полет одной стрелы нужно пройти, идя по прямой»; см. также *чўмўруб* БН 377₁₁ (*йаги андин инчка чўмўруб ақдур* «масло вытекает оттуда тонкой прямой [струйкой]», где произошел переход *б/п > м*; приведем здесь же *чёмўндум* БН 120₁ «я окунался в воду (нырял)» (ср. ОСТН. III, стлб. 2050). Л. Будагов в качестве иллюстрации к «кирг». *джутур*-«заставить или дать вымыть» приводит форму *джутур-гайлар* из стихотворения Бабура (по Березину, 241 — ЛБ II, стр. 385).

Влиянием джекающего языкового окружения обусловлено использование в говорах современных тюрков имени действия на -(y)в при обыч-

³⁷ На тесные контакты с кочевыми (джекающими) узбеками в разных сферах общественной жизни и быта неоднократно указывал и Бабур в своих мемуарах; жены многих «чагатайских» князей были из именитых узбекских родов. Примечательно, что имя узбечки жены Султана Хусейна мирзы в «Бабур-наме» варьируется: оно дается то на узбекский лад — *Миңли бэй агача* БН 208₇, 209₁₇, то в «чагатайском» его чтении — *Миңли бэк агача* БН 211₂₂.

³⁸ А. Н. Самойлович, Элементы «джокчи» в литературном чагатайском языке, «Научная мысль», I, 4, Самарканд — Ташкент, стр. 13. Из других «джекающих» слов, названных Самойловичем, в «Бабур-наме» встречаются: монг. *джлаш* БН 132, 138₁₉, 293₁₁, 300₂₂ «плоды» и его производные *джлашмуқ* БН 110₁₂, *джлашрэг* БН 130₁₄, 258₂, 307₁₄, 327₂₃, *джлашсг* БН 110₁₃, 402₂₂; перс. *джуду* БН 200₁₁, 340₁₀, 385₉, «награда»; *джэрга* «круп, ряд, . . . облава, осада» [В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий (далее — ОСТН), IV, СПб., 1911, стлб. 75] — *джэрга сал* БН 123₁₇, 327₂₃ «устроить облаву»; ср. *ул арални чэргаладук* БН 472₄ «мы осадили тот остров»; а также монг. *джэба* «латы, броня, кираса»; монг. *джушангар* «левое крыло войск».

³⁹ Л. Будагов [см. его «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», СПб., 1869 (далее — ЛБ), I, стр. 503] приводит башк. *чий* с тем же значением.

⁴⁰ Возможно, этот глагол сопоставим с приводимым А. Н. Самойловичем среди других элементов, диалекта «джокчи» именем *сөр/сөр* «правильный, верный, соответствующий» (указ. соч., стр. 12); ср. *чён=ён*, 2) (Dsch.) «прямой» (ОСТН, III, стлб. 2047).

ных формах на $-(\text{ъ})ш, -м\dot{k}$ (ср. *журув, айтувчъ*, но *йуръш-туръш, журм\dot{k} — К.-т.); ср. еще в говорах кишлака Кизил джар: *йэйлэвлэгэн/йэйлэглэгэн* «расположившийся на летних пастбищах». Имя действия на $-(y)w$ зафиксировано и в языке «Бабур-наме», однако лексический охват его ничтожен — в этой форме здесь используется только одно слово *йасаw* БН 109₁₇, 123₅, 130₁₄ «устройство, снаряжение; строй войска, отряд»; причем возможно параллельное употребление глагольных имен *йасаw* и *йасал*, ср. *йасаw йаса-* БН 86₉₋₁₀, 122₁₉ «приготовиться к бою, выстроиться» и *йасал йаса-* БН 109₈, 134₉ в том же значении. К кругу «форм, характерных для кыпчакских языков» (А. М. Щербак), принадлежит также собирательное числительное на $-aw, -ашлан$, используемое наряду с более употребительной в языке «Бабур-наме» формой на $-ала$: *икаw* БН 11₈, 319₂ «вдвое» (ср. разночтения по рукописям: Тур нс 104 17 II *бу икаwi* — БН 14 *бу икi*), *бiраw* БН 30₆ «некто», *учашлан* 319₁₅ «втроем»; ср. *уччэвъ* «они втроем» в говоре джизакских тюрков (К.), *чкэвлэн* «вдвоем», *элтэвлэн* «вшестером» в говоре ургутских тюрков (Кара-тепа). В слове *бузагу* «теленок» (БН 285₅, -) в языке «Бабур-наме» выпадения $э$ между гласными на кыпчакский лад не происходит. Из современных говоров тюрков форма *бузэг/бузэ* со звонким увулярным $-э$ в ауслaute представлена у тюрков К.-т., с глухим ауслатным $-к/-к$ — *бузэк|бözэк* — у барласов; во всех остальных говорах — *бузэв|бузэв*. Точно так же в слове *ййак* ~ *ййаэ* «пеший, пешком» в языке «Бабур-наме» сохраняется конечный увулярный $-к$ ~ $-э$ (ср., однако, *йайаб* БН 110₁₈), в то время как в говорах тюрков в этом слове представлено $-в$ ($< -к$ ~ $-э$): *ййав*.*

В итоге можно сказать, что несмотря на тесное контактирование с джекающим языковым окружением говора тюрков Самаркандской области, если не считать факультативных и разрозненных кыпчакских форм, сохранили почти в неприкосновенности свою природу йекающих диалектных единиц среднеузбекского диалекта (исключение — говор Г. II).

В говорах тюрков не отмечены огузские языковые черты (если не считать показателя дат.-напр. падежа $-а$, использование которого, однако, как правило, обусловлено определенными фонетическими условиями: переход $э > й$ в интервокальном положении — *туръшъйэ < туръшъ + + -ээ*; стремление избежать геминацию — *журмэкэ < йурмэккэ, этэң < этэң + -ээ*); таким образом, отпадает самый вопрос об отношении изучаемого говора к огузской группе тюркских языков.

Переходя к анализу грамматических особенностей современных говоров тюрков, отметим использование показателя вин. падежа $-н$ после основ, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица (*қаламъ учън чьқардъчъмъ?* К.-т.), — точно так же, как и в языке «Бабур-наме». В изучаемых говорах обычным является функционирование вин. падежа взамен род. падежа [*қаламъ учъ* (К.-т.), *этэмнъ кътобъ*], что свойственно всем городским говорам. Как и в говорах самаркандско-бухарской подгруппы, а отчасти и в джизакском, в изучаемых говорах представлена синтаксическая заменяемость местн. падежа дат.-направительным: *сыйърнъ бözэргэ сэттъ; члгэръ Нькэлэй вэкътэгэ Туркъстэн крйчъ дерьдъ, эндъ Совет хужуматъ вэкътэгэ Озбекъстэн дейдъ* (К.-т.), *кэлхзэгъ чилэйдъ* (У.-т.); [*тйрқлар*] *Вбсметгэ бэр, Чьнэргэ бэр* (Кара-тепа) «[тюрки] есть в Усмате, есть в Чинаре». Обе эти особенности функционирования указанных падежей нашли свое отражение и в языке «Бабур-наме».

Как и в языке «Бабур-наме», в современных говорах тюрков наряду с плеонастическими формами выражения принадлежности 3-го лица ед. числа (*сыйнъсъ* — У.-т., *бъръсъ, учъсъ* — К.-т.) наблюдается отсутствие аффикса принадлежности в определяемом при оформлении определения род.-вин. падежом не только в случаях типа *бъзнъ кэлхзэ*, но и в причаст-

ных оборотах (*келъниъ келгәндә кӧр, сепънъ йэйгәндә кӧр* «смотри тогда, когда невеста приходит; смотри тогда, когда приданое развертывают» — К.-т.); ср. также *съз келгән кун тойдъ бәшләймъз* (У.-т.) «мы начнем пир в день, когда вы придете» и *әрпә ун* (Г. II) «ячменная мука».

Из глагольных форм в говорах тюрок отметим параллельное употребление формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа на -гън, -гъл (из них последний для современного узбекского языка является устаревшим) — *келгън/келгъл*, как и в языке «Бабур-наме». Встречающиеся в говорах тюрок формы типа *кәлтърәйдъ, тәшъйдъ* (К.-т.), *бәрәйдъ* (Г. II); в говоре тюрок Кара-тепа: *бәрәйдъ, кәтәйдъ, кәләйдъ* (ср. форму настоящего времени *кәтәйллә, кәләйллә*), *әйтәйдъңъз* — при существовании в говорах полной парадигмы прошедшего длительного типа *йәшардъм, волардъм* (К.-т.) могут быть истолкованы как генетически связанные с прошедшим незавершенным на -а(й) *дур әди*, зафиксированным в языке классической литературы и в частности — в «Бабур-наме». Недостаточная грамматикализация аналитических модальных конструкций (*кәлдәтмъкән, оқурмъкән* — У.-т., *бәзмъкән* — К.-т.) в изучаемых говорах, как и в языке «Бабур-наме», выражается в том, что между временной основой и показателем модальности вклинивается вопросительная частица *мъ*. Не находит себе параллели в языке «Бабур-наме» наблюденная в говорах тюрок форма наст. времени на -әп, по наличию которой эти говоры сближаются с самаркандско-бухарскими, каршинским и шахрисябским.

В говоре Усмат-тюрок отмечено своеобразное употребление числительных: *бър әкшитә бәлләр кәлдъ* «несколько (буквально: один [по] две-три штуки) парней пришли»; в параллель этому приведем подобное явление из «Бабур-наме»: Хосрав-шах подарил Бабуру *бир тоқуз ат* «одну девятку коней» и *бир тоқуз пәрчә* «одну девятку тканей» (БН 99₂₀).

В говорах тюрок спорадически употребляется вопросительное местоимение *не* (ср. также в ташкентском и джизакском): *невләмән* (К.-т.) «что я поделаю», *не деймән* «что я скажу», ср. также в говоре кишлака Кизил джар *нә гунахъ бәръдъ* «что за грех его имелся» — наряду с обычным *нәмә*. Те же самые местоимения зафиксированы в языке «Бабур-наме», где *нә* выражало собственно вопросительное значение (*нә қилсун* БН 210₁₉ «что ему делать?», *нә'азимат билә атлангайбиз* БН 257₁₁ «в каком направлении мы отправимся?»), *нимә* же чаще выступало в функции неопределенного местоимения (*азрақча нимә битидим* БН 315₁₇ «я писал немного кое-чего», *чуғурчүқдин бир нимә улуграқ* БН 361₃₋₄ «несколько больше скворца»). В говорах, как в языке классической поэзии, используется послелог *чун* (*сән чун* «для тебя» У.-т., *шунъйчун* «ради этого» К.-т.).

Как и в языке классической поэзии, в современных говорах тюрок может использоваться в самостоятельном, не в служебном значении глагол *эт-*, который при этом сливается с указательным местоимением: *буйтуйн* «таким образом (делая)», *уйтуйн* «таким образом», *шуйтуйн* «вот таким образом», *қәйтъв* «каким образом» (У.-т.) — явление, которое сохранилось, видимо, также и при поддержке джекающего языкового окружения.

В лексике говоров тюрок может быть отмечен ряд специфических слов, остающихся за пределами современного узбекского литературного языка, но употреблявшихся в языке литературы рубежа XV—XVI вв. и, в частности, зафиксированные в «Бабур-наме». Таковы в говорах слова: *йәвуз* «близкий» (ср. весьма частое в языке «Бабур-наме» *йашуқ/йашуғ* БН 199₇, 234₄₁, 445₁₃ в том же значении), *бүрк* «головной убор» (ср. БН 8₁₈ *моголи бүрк кийар әди* «он надевал могольский бурк», см. еще БН 204₁₀), *йәйәв* «пешком» (ср. БН 113₃₋₄, 117₂₀ *ййәқ йур-/кәл-* «(при)ходить пешком»). Употребительное в языке «Бабур-наме» *йумуртқа* «яйцо» (БН 190₆,

371^{20, 21}, 372^{13, 14}) отмечено в говорах тюрков Кашка-Дарьинской (Тарагай, Лангар, Аякчи) и Сухан-Дарьинской областей (Денау, Сари Ассия — кишлак Илансай), где оно бытует параллельно с *тухум* (или *моаяк*); в говорах самаркандских тюрков (У.-т. и Кара-тепа) *йумуртқа* встречается только в отдельных фразеологизмах (*энасънь йумуртқасъдан чъққэнэм мангэ ёргатадъ* «и тот меня учит, кто [только что] вышел из яйца матери»).

Сопоставление современных говоров тюрков и языка «Бабур-наме» показывает известную диалектную близость говоров тюрков к той языковой единице, на которую был ориентирован язык этого произведения, как в ключевых явлениях грамматической системы (их общность, как известно, характерна для среднеузбекского диалекта в целом), так и в некоторых важных фонетических чертах, не говоря уже о многих частных деталях всех уровней языка. Однако наложение изучаемых говоров на язык «Бабур-наме» (resp. на так называемую «опорную» для него языковую единицу) не дает, разумеется, полного совпадения, если даже и делать скидку на специфику исторического развития современных говоров тюрков в окружении кыпчакской языковой стихии.

При выяснении исторических отношений современных говоров тюрков к тому средневековому живому андижанскому говору, на который был ориентирован язык «Бабур-наме», представляется необходимым учитывать следующее. Современные турки Узбекистана, которые на памяти живущих поколений вели полукочевой образ жизни, как правило, до сих пор основным своим занятием имеют скотоводство, причем давние традиции этого занятия подтверждаются тем значительным удельным весом, который скотоводческая лексика имеет в словаре говоров (словарь их изобилует дифференцирующими наименованиями для всех домашних животных по полу, возрасту и другим признакам). На рубеже XV—XVI вв. наряду с оседлыми тюрками — жителями городов в пределах Мавераннахра обитали их кочевые и полукочевые сородичи, занимавшиеся скотоводством⁴¹; можно предположить, что кочевые турки Мавераннахра имели в своих говорах некоторые отличия от андижанского «тюркй». Таким образом, можно думать, что андижанское «тюркй» в тот период было не единственным говором на территории Мавераннахра, а существовало несколько близкородственных говоров тюрков. Допустимо также предположить, что когда Бабур говорил о соответствии средневекового живого андижанского «тюркй» и языка литературы своего времени, он имел в виду не полное их совпадение, а прежде всего ориентированность языка литературы на произносительные нормы этого говора⁴² (не считая, разумеется, общих ключевых явлений грамматической системы). Наблюдения над языком «Бабур-наме» (данные современных говоров тюрков в известной мере подкрепляют эти наблюдения) позволяют пересмотреть традиционную транскрипцию этого произведения как написанного на языке с последовательно выдержанной палатальной-велярной гармонией гласных, т. е. поставить под вопрос принадлежность средневекового живого андижанского «тюркй» к строго последовательному «сингармоническому» типу⁴³.

⁴¹ В этой связи можно сослаться на свидетельства Бабура о том, что турки занимались коневодством и овцеводством (БН 118₁₅), что турки (вероятно, часть их) в Самарканде и Хорасане были кочевниками (БН 173₈₋₉); ср. также: А. Н., Самойлов и Ч., К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, сб. «Мир Али-Шир», Л., 1928, стр. 1. Естественно предположить, что при вторжении узбеков Шейбани-хана именно кочевые турки могли легче оседлых подняться со своих кочевий и откочевать в гористые местности на юго-западе современных территорий Узбекистана и Таджикистана (именно эта их часть сохранила свое старое наименование «тюрк» в благоприятствовавших этому условиях жизни в горных местностях).

⁴² Ср. также: А. К. Боровков, Алишер Навои..., стр. 98—99.

⁴³ Авторы приносят свою благодарность В. М. Жирмунскому, А. Н. Кононову, А. М. Шербаку, Э. Р. Тенишеву, Г. П. Мельникову, В. К. Журавлеву, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ценные критические замечания.